
ИНДИВИДУАЛЬНАЯ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (МАТЕРИАЛЫ «КРУГЛОГО СТОЛА»)

В мае 2019 г. по инициативе журнала «Вопросы философии» и сотрудников Государственного академического университета гуманитарных наук состоялся круглый стол, участники которого обсуждали проблемы индивидуальной и коллективной памяти. Ниже публикуем материалы этого обсуждения.

Индивидуальная и коллективная память: старые проблемы и новые вызовы*

© 2020 г. В.А. Лекторский

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, 119049, Мароновский пер., д. 26.

E-mail: v.a.lektorski@gmail.com

Поступила 16.01.2020

В статье исследуются проблемы памяти как конституирующего начала индивидуальной и коллективной идентичности. Проанализировано взаимодействие в памяти «следов» прошлых событий и конструирующей ментальной деятельности. Автор изучает современные угрозы индивидуальной и коллективной памяти в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий. Показано, что вынесение части памяти вовне (мобильный телефон, Интернет) может быть использовано для контроля за поведением человека и для вмешательства в само содержание индивидуальной памяти (через ее редактирование и фальсификацию). Вмешательство в коллективную память осуществляется как путем уничтожения ее хранилищ (здания, памятники, музеи, тексты, произведения искусства, «памятные места»), так и с помощью изменения ее смысла. Изменение индивидуальной и коллективной памяти означает изменение идентичности, исчезновение памяти – гибель идентичности. Исследуются отношения между разными коллективными памятьями, а также между коллективной памятью как переживаемой традицией и исторической памятью (историческим знанием) как результатом работы профессиональных историков, пытающихся получить объективное знание о прошлом. Показано, как на работу историков влияют разделяемые ими ценности, как это может приводить к разному пониманию одних и тех же событий разными исследователями и как эта трудность может быть преодолена. Обосновывается тезис о важности диалогов индивидуальной и коллективной памяти, разных коллективных памятьей, коллективной и исторической памятьей, а также разных исторических памятьей. Память о прошлом определяет будущее. Конфликт памятьей ведет к столкновению людей, стран и культур.

Ключевые слова: индивидуальная память, воспоминания, прошлое, коллективная память, идентичность, историческая память.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–6–11–17

Цитирование: Лекторский В.А. Индивидуальная и коллективная память: старые проблемы и новые вызовы // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 11–17.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00371).

Individual And Collective Memory: Old Problems And New Challenges*

© 2020   Vladislav A. Lektorsky

*State Academic University for the Humanities,
26, Maronovsky by-str., Moscow, 119049, Russian Federation.*

E-mail: va.lektorski@gmail.com

Received 16.01.2020

The author analyzes memory as a constituting factor of individual and collective identities. Current threats to individual and collective memories is investigated in the context of new information and communication technologies. It is shown that the extension of the part of memory (mobile telephone, Internet) can be used for controlling human behavior and interfering in the content of individual memory. The interference in collective memory is made both with destruction of its storages (monuments, museums, texts, arts, “memory places” etc.) and changing its sense. The change of individual and collective memory means the change of individual and collective identities. The author studies relations between different collective memories, as well as the relation between collective memory as an experienced tradition and historical knowledge (historical memory) as a result of the works of professional historians, trying to get objective knowledge about the past. It is shown that the work of an historian is influenced by values and ideologies which results in different understanding of the same events by different scholars. It is shown how this problem can be solved. The thesis about urgency of dialogues between an individual and collective memories, between different collective memories, between collective and historical memories, between different historical memories is defended. The experience of the past determines the future. The memory conflicts lead to collision between people, countries, cultures.

Keywords: individual memory, remembering, the past, collective memory, identity, historical memory.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–6–11–17

Citation: Lektorsky, Vladislav A. (2020) ‘Individual And Collective Memory: Old Problems And New Challenges’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2020), pp. 11–17.

Память давно была предметом серьезных психологических исследований, которые с конца XIX в. стали экспериментальными. В XX в. проблематика памяти и забывания сделалась одной из центральных в приобретаемом большую популярность психоанализе. Сегодня к изучению мнемических механизмов подключились специалисты в области когнитивных нейронаук. Тем не менее в понимании этих проблем, ряд из которых имеют принципиально философский характер, многое остается дискуссионным. Самое же интересное состоит в том, что сегодня интенсивное использование информационно-коммуникационных технологий, «цифровизация» жизни, тенденция замены естественных процессов искусственными и «виртуализации реальности» создают новые вызовы для человека и его памяти.

---

* The research was carried out at the expense of Russian Science Foundation (project No. 19–18–00371).

Память бывает двух типов. Это может быть такой результат происшедших в прошлом событий – жизненных обстоятельств или же специального обучения, – который используется для решения проблем, возникших в настоящее время. К этого рода памяти относятся не только все навыки и умения, но и индивидуальные знания. Кое-что из этих запасов памяти может быть осознано в случае необходимости. Знание предполагает память. Правда, некоторые знания, а особенно навыки и умения, обычно не осознаются. Но и на этом уровне есть память – бессознательная, ибо ни один когнитивный процесс без памяти невозможен. Но есть и другой тип памяти, специфичный для человека и очень для него важный. Речь идет о воспоминаниях. Это не просто современный результат имевшихся в прошлом событий, а ментальное воспроизведение самих этих событий с привязкой их к определенному времени и месту. Нужно сказать, что это выглядит парадоксально: сам акт воспоминания и его результат в виде некоторой ментальной репрезентации существуют в настоящем времени, а объекта этой репрезентации уже нет, он когда-то был, но исчез, ушел в прошлое. Получается, что воспоминание как бы существует в двух временах сразу: настоящем и прошлом. Это особая философская проблема, связанная с более общей – парадоксальностью восприятия течения времени. Воспоминания в отличие от памяти первого типа обычно осознаются, хотя есть основания полагать, что некоторые из них (обычно травмирующие) вытесняются в область бессознательного, откуда их можно выгнать только с помощью особых психотерапевтических техник – на что претендовал психоанализ З. Фрейда.

Память конституирует психику. Если индивид утрачивает фундаментальные знания, навыки и умения, то он перестает быть полноценным человеком. Если же он теряет хотя бы значительную часть воспоминаний, то лишается своей идентичности, т. е. личностных характеристик. Ибо личность человека, то, что он называет своим «Я» и что предполагает наличие индивидуальной «Я-концепции», строится на основе воспоминаний о собственном прошлом. Последние выражены в форме нарративов, т. е. рассказов о событиях, разворачивавшихся в определенном времени. Конечно, в данный момент времени индивид не отдает себе отчета во всех своих нарративах, но в принципе каждый из них может быть осознан – за исключением тех, которые вытеснены в сферу подсознания. Нарративный подход к пониманию «Я», идентичности, самосознания, эмоций и мотивации весьма популярен сегодня в психологии, философии, когнитивной науке и психотерапии [Sarbin 1986; Dennett 1993; Bruner 2004; Рикер 2000; Брокмейер, Харре 2000].

В XX в. стала ясна еще одна удивительная особенность воспоминаний. Так как репрезентация того, что уже прошло, происходит в настоящем времени, то невозможно прямое сопоставление результатов воспоминания с его объектом – самим событием, в отличие от того, что имеет место в восприятии или мышлении. Как показали современные исследования памяти, в частности известные работы Бартлетта [Bartlett 1932], хотя в мнемической репрезентации есть некоторый «след» прошедших событий (в противном случае воспоминание не могло бы претендовать на рассказ о том, что было), в целом эта репрезентация – не только «след» прошлого, но и продукт осуществляемой сейчас конструктивной ментальной деятельности. Вспоминаются далеко не все события, имевшие место в прошлом, они выбираются, ставятся в определенную связь, ранжируются по значимости – при этом, хотя результат воспоминаний обычно осознается, механизм их производства действует бессознательно. «Следы» от прошлых восприятий соединяются с деятельностью воображения. Поэтому можно «вспомнить» то, чего не было на самом деле – «ложное воспоминание». А можно, наоборот, принять результат прошлого опыта за продукт собственной творческой деятельности – случай «бессознательного плагиата».

Воспоминания – нарративы связаны с построением «Я-концепции». И поскольку последняя меняется с течением жизни индивида, меняется и характер воспоминаний. В этом смысле можно сказать, что человек сам строит собственное прошлое. Конечно, имеется в виду не реально существовавшее прошлое, а его осознание отдельным человеком. Построение личностной «Я-концепции» как совокупности нарративов оказывается

возможным только в результате коммуникации индивида с другими людьми. Ведь нарратив выражен в языковой форме, а язык не изобретается отдельным человеком: ребенок учится говорить, общаясь с взрослыми. Помимо этого – о ряде событий собственной жизни, при этом таких, знание о которых включено в индивидуальную «Я-концепцию», каждому из нас известно только на основании рассказов других. Самое удивительное в том, что рассказанное другими может в некоторых случаях предстать как собственное воспоминание, иногда довольно яркое. При этом другие люди могут внушить и ложные воспоминания.

Формирование индивидуальной памяти через коммуникацию с другими означает ее зависимость от коллективной памяти. Ведь сам язык, посредством которого осуществляются личностные нарративы, воплощает такую коллективную память. Это не что иное, как знание о первичных способах концептуализации мира. Подобно тому, как индивид не существует без такой памяти, которая используется для решения современных проблем (память с первого типа) и без памяти-воспоминаний (память второго типа), коллективная идентичность невозможна без памяти-знаний (включающих знания о мире, а также знания процедур, правил, норм) и без памяти о событиях исторического прошлого. При этом коллективы могут быть разными, начиная от семьи, включая школу, университет (а в нем факультет, группу), город, область, этнос, нацию, страну, специфическую культуру [Рикер 2004].

Коллективная память первого типа – это язык, система ценностных представлений: что хорошо и что плохо, к чему нужно стремиться. Это также совокупность правил поведения – стихийно сложившиеся обычаи, относящиеся к семье, поселению, стране, а также сознательно сформулированные предписания, регулирующие действия в школе, на предприятии, в иных учреждениях. Коллективная память второго типа относится к памяти об исторических событиях, значимых для идентичности данного коллектива. Эта память воплощается в преданиях, легендах, рассказах, передаваемых из поколения в поколение в устной форме или же записанных в виде текстов воспоминаний, в посвященных историческим событиям романах, операх, произведениях живописи и скульптуры. Такая память овеществляется также в виде особых «мест памяти» – музеев, монументов, памятников, собраний фотографий, особо выделенных территорий.

Между тем, сегодня индивидуальная и коллективная идентичности оказываются под угрозой. Кризис той и другой исследуется психологами, социологами, философами. Это связано с возникновением новой социокультурной реальности как результата процессов глобализации, бурного развития современных информационно-коммуникационных технологий, интенсивно идущей «цифровизации» всей жизни. Происходит «взламывание» привычного жизненного мира: традиционные ценностные представления, образующие основу идентичности, ставятся под сомнение. Появляются люди с размытой идентичностью, с полиидентичностью, с «прерывистой» идентичностью (отсутствие единой «линии жизни»). В этих случаях многие воспоминания, бывшие ранее дорогими, теряют свою значимость, вытесняются в сферу забвения. Появляются люди, пытающиеся вообще как можно меньше помнить о своем прошлом, живущие сегодняшним днем и не желающие иметь обязательств – а ведь последние как раз и связаны с давними и недавними событиями.

Новый тип интенсивного взаимодействия разных культур, ставший возможным в связи с глобализацией и непохожий на те культурные связи, которые имели место раньше, приводит к кризису коллективных идентичностей. Потеря последних означает исчезновение этноса, нации, страны, культуры. Но ведь принимаемые коллективом ценности формируются в связи с определенными событиями и хранятся в рамках коллективной памяти об этих событиях. Поэтому кризис коллективных идентичностей выражается также в потере коллективной памяти. Наоборот, сохранение такой памяти – необходимое условие существования коллективных образований.

Мозг – место хранения индивидуальной памяти обоих типов. Но не только мозг, сегодня это также множество разного рода искусственных предметов: записная книжка,

сотовый телефон, компьютер. Информация о прошлых событиях (основа воспоминаний) имеется не только в мозгу отдельного человека, но и в его дневниковых записях, фотографиях, она существует и в Интернете, и на мобильном телефоне, и в компьютере. Индивид все более сращивается с разного рода приспособлениями, которые как бы являются его продолжением – люди постепенно превращаются в киборгов [Clark, Chalmers 2008]. Но в этих условиях утрата сотового телефона или исчезновение компьютерных записей выглядят очень драматично, ибо это означает потерю части памяти и поэтому является личностной проблемой.

Между тем, одна из особенностей того мира, в который быстро вступает современное человечество, состоит в интенсивно идущем размывании границ личного и публичного пространств. Дело в том, что доступ к своему сознанию (и части бессознательного) имеет только сам индивид, и никто другой. Но когда человек выносит часть своей индивидуальности вовне, то другие люди получают доступ к тому, что воплощает его личность и память. Это ведет к серьезным последствиям.

Прежде всего возникает возможность контроля за поведением. Передвижения человека, его контакты с разными людьми, созданные им тексты, фотографии и видеоролики, хранящиеся в киберпространстве, получение разного рода информации из Интернета – память обо всем том, что человек помнит и что он забыл и что он, может быть, не хочет вспоминать, становится достоянием других. Все это фиксируется определенной аппаратурой и может быть использовано для того, чтобы манипулировать человеком: например, начислять ему баллы за совершение тех или иных действий, наказывать или поощрять его – это не фантазия, нечто подобное уже существует сегодня в некоторых регионах Земли. В принципе можно на основе следов памяти о действиях человека подавать ему команды: делай то-то, иди туда-то, не делай того-то. Такие сигналы может подавать некая центральная инстанция, которая вроде бы исходит из того, что она лучше самого индивида знает, как ему нужно жить. Считается, что это будет делаться во имя интересов индивида. Но чьи интересы будут преследоваться на самом деле, это большой вопрос. Во всяком случае ясно, что индивид при таких обстоятельствах использования памяти о его действиях теряет автономию.

Но если часть индивидуальной памяти уже сегодня становится достоянием других, то в принципе ее можно не только использовать для контроля за поведением, в эту память в принципе можно вмешиваться. Самый простой способ такого вмешательства – лишить человека записной книжки, дневника, сотового телефона, компьютера. Более изощренный способ – исказить эти записи. Если это трудно сделать с записной книжкой и бумажным дневником, то гораздо легче вмешаться в записи, хранящиеся в сотовом телефоне и компьютере. Пока такая практика не получила распространения, но подобная возможность уже существует.

Наконец, в принципе не исключается и прямое вмешательство в ту мнемическую информацию, которая записана в системе нейронов головного мозга. Именно эта информация всегда была основой индивидуальной идентичности и остается ею до сих пор, несмотря на тенденцию передачи части индивидуальной памяти внешним носителям. Сегодня на основе ряда экспериментов в нейронауках стали популярными идеи о возможности «чтения мыслей» человека с помощью расшифровки нейродинамических кодов записи информации в мозгу. Если бы это стало возможным, ничто не помешало бы не только «читать» чужую память, но и «редактировать» ее – по аналогии с «редактированием» геной карты, что сегодня уже становится реальностью.

Что же касается коллективной памяти, то осуществить вмешательство в нее гораздо проще. Прежде всего можно пытаться уничтожить хранилище этой памяти. Ведь первичное место такого хранения – не головы отдельных людей, а либо межчеловеческие отношения, коммуникация – язык, обычаи, рассказы, – либо особый мир искусственных предметов: тексты, изображения, здания, монументы, «места памяти». Уничтожение этих хранилищ означает потерю коллективной идентичности, а значит, гибель данного коллектива. В истории исчезали языки и их коллективные носители. Пропадали обычаи, забывались предания. Войны между этносами, нациями, странами часто

сопровождались сожжением книг, разрушением памятников, осквернением памятных мест. Люди, стремившиеся сохранить свою национальную и культурную идентичность, нередко жертвовали собою для того, чтобы спасти храмы и старинные тексты. Процессы сознательного или стихийного уничтожения хранилищ коллективной памяти идут сегодня в мире.

До недавних пор в некоторых кругах была популярна идея о том, что в эпоху глобализации национальное государство отжило свой век и что поэтому бессмысленно хранить национальную память: беречь язык и обычаи, отмечать юбилеи исторических событий. Сегодня мало кто разделяет эту идею, так как стали ясны два очень важных обстоятельства: культурная гомогенизация заводит в тупик развитие, а сохранение традиционных ценностей, носителями которых являются национальные культуры, – это возможность выживания человечества в условиях всеобщей «цифровизации».

В коллективную память можно вмешиваться и иным способом: подвергнуть сомнению, исказить, заново «отредактировать». Появление новой памяти означает изменение коллективной идентичности. Такого рода вмешательство мы наблюдали в нашей стране в совсем недавние годы: развенчивались те, кого раньше считали героями, давалась новая оценка многим историческим событиям. Это делалось сознательно, в рамках задачи «коренной переделки» национальной идентичности, которую поставили некоторые политики и публицисты. Коллективная память – это всегда особый взгляд на прошлые события. То, что значимо для одного этноса, нации, страны, может быть не значимо для других. А события, важные для многих, могут по-разному оцениваться. Это значит, что разные коллективные памяти могут конфликтовать друг с другом, что нередко происходит сегодня: идет «война памятей». «Ложные воспоминания» могут быть не только у отдельного человека, они возможны и в рамках коллективной памяти.

В этой связи я хочу обратиться к специализированному способу получения знания о прошлых событиях – к исторической науке. Историк стремится узнать, что в прошлом действительно имело место – независимо от того, как это знание может быть использовано сегодня в рамках той или иной идеологии и политики и насколько это соответствует сложившимся в обществе представлениям. Таким образом, знание, выработанное историком, может вступать в конфликт с коллективной памятью. В тех случаях, когда это происходит, необходима «притирка» коллективной памяти к исторической памяти (историческому знанию). К счастью, в большинстве случаев это процесс не слишком болезнен.

Кажется, что историческая память (историческое знание) имеет преимущество перед коллективной памятью: первая в отличие от второй претендует на объективность и непредвзятость. Я хочу, однако, обратить внимание на другое: коллективная память – это не простой набор знаний о прошлом, а живая традиция, переживаемая каждым, кто в нее включен, и образующая основу личных убеждений. Это то, что создает коллективную и индивидуальную идентичность. Само по себе историческое знание такой роли играть не может. Но в принципе какая-то часть такого знания может быть включена в коллективную память, и тогда начинает использоваться в формировании и развитии коллективной идентичности.

Правда, с историческим знанием есть свои проблемы. Прежде всего историк должен найти сами исторические факты – а это непростая задача. Ведь свидетельства не всегда правдивы, а в иных случаях являются сознательной подделкой. Сохранившиеся предметы нужно уметь датировать. Но дело не только в этом. Ведь историк не просто фиксирует разные события. Он их отбирает с точки зрения значимости и дает их толкование: выясняет связи между ними, оценивает их, выясняет смысл событий и исторических тенденций. Между тем, на все эти процедуры влияет принимаемая историком система ценностей, разделяемая им идеология. Получается, что возможны не только разные коллективные памяти об одних и тех же событиях, но и разные истории этих событий, написанные профессиональными учеными, претендующими на объективную истину. И это действительно имеет место. Однако в этой связи я хочу обратить

внимание на такое важное обстоятельство: историки не только излагают разные версии одних и тех же событий прошлого, но и спорят друг с другом относительно верности той или иной интерпретации. Иными словами, участники спора убеждены в том, что историческое познание нацелено на поиск истины, и в том, что чья-то версия исторических событий ближе к этой истине, чем другие. В этих спорах используются рациональные аргументы, и профессиональное сообщество, как правило, выносит вердикт в пользу той или другой версии. В итоге же получается, что тексты, написанные выдающимися историками, придерживавшимися разных весьма идеологических позиций, до сих пор могут использоваться в качестве надежных источников настоящего исторического знания.

Итак, память лежит в основе индивидуальной и коллективной идентичности. Изменение, развитие памяти означает изменение идентичности. Исчезновение памяти – гибель идентичности: индивидов и коллективных образований. В наши дни процессы трансформации и развития памяти идут интенсивно. Наиболее безболезненный способ такого развития это не конфронтация, а диалог индивидуальной и коллективной памяти, разных коллективных памятей, коллективной и исторической памяти, разных исторических памятей. Память о прошлом определяет будущее. А конфликт памятей означает столкновение людей, народов, стран и культур, что ставит под угрозу будущее человечества.

Источники – Primary Sources in English and Russian translation

Рикер 2000 – Рикер П. Время и рассказ. Т. 1, 2. СПб.: Культурная инициатива, 2000 [Ricoeur, Paul, *Temps et Récit* (Russian translation)].

Рикер 2004 – Рикер П. Память, история, забвение. М.: Изд. Гуманитарной литературы, 2004 [Ricoeur, Paul, *La mémoire, l'histoire, l'oubli* (Russian translation)].

Bartlett, Frederic (1932) *Remembering*, Cambridge University Press, Cambridge, 1932.

Sarbin, Theodore R. (ed.) (1986) *Narrative Psychology. The Storied Nature of Human Conduct*, Praeger, New York, 1986.

Ссылки – References in Russian

Брокмейер, Харре 2000 – Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.

References

Brockmeier, Jens, Harre, Rom (2000) 'Narrative: problems and promises of an alternative paradigm', *Voprosy Filosofii*, Vol. 3 (2000), pp. 29–42. (In Russian)

Bruner, Jerome (2004) 'Life as Narrative', *Social Research*, 71, 3, pp. 691–710.

Clark, Andy, Chalmers, David (2008) 'The Extended Mind', *Supersizing the Mind*, Oxford University Press, Oxford, pp. 220–232.

Dennett, Daniel (1993) *Consciousness Explained*, Penguin Books, New York.

Сведения об авторе

ЛЕКТОРСКИЙ Владислав Александрович – академик РАН, доктор философских наук, профессор Государственного академического университета гуманитарных наук.

Author's Information

LEKTORSKY Vladislav A. – Full Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philosophy, professor at the State Academic University for the Humanities.